

УДК 82.0

UDC 82.0

ЕДИНСТВО ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В ЛИРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И. ЮСУПОВА)

UNITY OF FORM AND CONTENT IN LYRICS (AS EXEMPLIFIED BY I. YUSUPOV'S POEMS)

Кууанышбай Оразымбетов,
доктор филологических наук,
профессор Каракалпакского
государственного университета

Kuuanyshbaj Orazymbetov,
Doctor of Philological Sciences,
Professor of Karakalpak
State University

Поступила в редакцию 13.11.2024.

Received on 13.11.2024.

В статье рассматриваются вопросы соотношения содержания и формы, их место в произведении на примере каракалпакской лирики. Автор выражает свое отношение к вопросу, что является первичным в процессе зарождения произведения: содержание или форма. В качестве иллюстраций приводятся стихотворные тексты известного каракалпакского поэта И. Юсупова.

Ключевые слова: содержание, форма, стихотворение, ритм, рифма, строфа, метр, стопа, лирический герой, инверсия, деталь.

The article examines the issues of the relationship between content and form, their place in the work using the example of Karakalpak lyrics. The author expresses his attitude to the question of what is primary in the process of the origin of a work: content or form. Poetic texts of the famous Karakalpak poet I. Yusupov are given as illustrations.

Keywords: content, form, poem, rhythm, rhyme, stanza, cadency, measure, lyrical hero, inversion, detail.

Каракалпакская поэзия в своей многовековой истории развития сформировалась как основной литературный жанр в силу фольклорно-эстетических традиций и историко-культурных условий. В устной и письменной поэзии появилось множество произведений с высоким художественным достоинством, многие из которых ярко отражали не только дух своего времени, но и в наши дни не теряют своей художественной ценности и значимости. Эти произведения, будучи ярким проявлением национального художественного мышления каракалпакского народа, являются частью литературно-художественного наследия всего человечества.

Каракалпакское литературоведение как наука сформировалось сравнительно недавно: оно относится к середине XX в. В этом и кроется причина того, что отдельные его направления до сих пор не получили достаточно широкого развития. Одной из таких слабо освещенных проблем является изучение соотношения содержания и формы художественного произведения. Как известно, исходным методологическим положением современного литературоведения является требование соотносить художественное произведение с явлениями реальной жизни и учитывать при его изучении диалектические закономерности построения и художественной организации элементов, взаимосвязи и взаимодействия этих элементов.

Наиболее важными компонентами в организации художественной структуры произведений литературы являются взаимоотношение и связи содержания и формы, в котором четко проявляются соотношение изображения и выражения,

части и целого, структурности и целостности словесной образной ткани произведения.

Рассмотрим это на примере произведения И. Юсупова «Путнику востока» («Куншыгыс жолаушысына»):

*У нас говорят: гость придет – на благо,
Так, принять гостя – для каждого честь.
Если не будет гостя дней пять,
То теряет покой моя мать.*

*Друг, державший путь на Восток,
Торопись побывать в нашем крае.
И тебе не дадут женщины у тандыра,
Мимо пройти, не отведав свежего хлеба
[1, с. 48–49]
(Подстрочный перевод)*

Здесь мысль поэта, его идейно-творческий замысел, эстетическая установка передан посредством точных и выразительных деталей. Видно, что поэт хорошо знает традиции и обычаи своего народа, он открыто любит и гордится ими и приглашает путника стать гостем и испытать душевную теплоту, доброжелательность каждого жителя родного края, шире – народа.

Следует отметить, что метр, рифма, ритм, строфа этого стихотворения являются внешними элементами формы, а его внутренняя форма включает языковые средства, образы и композицию. При сопоставлении формы и содержания мы видим, что предметные свойства формы преобладают над содержательными. Потому что мы их видим и слышим и через них воспринимаем содержание. Вот и здесь проходит, на наш

взгляд, граница между формой и содержанием. То, что воспринимается через наше ощущение и оказывает влияние на наше духовное сознание, мы относим к содержанию, а его предметное проявление – к форме.

Таким образом, содержание можно рассматривать как выражение авторского замысла, концепции, а форму как средство выражения содержания, то есть содержание – это переживание художника об окружающей среде и его эмоциональное отношение к ним, форма – это средство и способы передачи этих переживаний и отношений. Коротко говоря, содержание – это то, что сказано, а форма – как это реализовано.

По вопросам соотношения содержания и формы написаны множество трудов со стороны русских и узбекских литературоведов. В таких работах даны основательные ответы о том, что анализ произведения, посредством деления его на части, дает возможность глубже понять и изучить природу художественного произведения, определить особенности, присущие только данному произведению. Для того чтобы познать художественное произведение необходимо соединить анализ с синтезом. Только синтетический путь изучения ведет от освещения компонентов к осмыслению природы целого произведения.

При первом знакомстве с лирическим произведением мы прежде всего обращаем внимание на его форму – на строчечное и строфическое оформление, рифмовку, ритм, повторы, тропы, фигуры и т. д., с помощью которых воспроизводятся мысли поэта. Следовательно, и содержание и форма находятся в тесном взаимодействии друг с другом и не могут существовать отдельно. Форма является средством выявления содержания. Поэтому можно констатировать, что первоначально непосредственное восприятие формы открывает путь к пониманию смысла, т. е. содержанию произведения. Но этот процесс иногда может осложняться тем, что в отдельных произведениях образность деталей, фактов жизни породить смысловой контекст в элементах содержания. В таких случаях возникает вопрос, куда уходит единство формы и содержания.

Так, в приведенном выше стихотворении И. Юсупова даны, казалось бы, обычные размышления лирического героя, описание состояния его матери и бытовая картина из жизни каракалпакского аула. Все точно и предметно. Лирический герой прямо декларирует, что для жителя его края приход гостя – это благо, если долго не бывает гостя, то его мать начинает терять покой, что женщины, пекущие хлеб у тандыра, не дадут любому путнику, любому прохожему пройти мимо, не отведав свежеспеченного хлеба. Эта подробность психологических и бытовых деталей важна тем, что, во-первых, поэтом удачно выбраны самые выразительные детали. Во-вторых, за каждой из них скрывается главная концептуальная мысль поэта: какой гостеприим-

ный, дружелюбный мой народ, мы рады каждому гостю, приезжайте к нам и т. д. В этих словах выражена главная тема, идея, национальное своеобразие стихотворения, т. е. его содержание, которое находит образное воплощение благодаря своему контекстуальному осмыслению. И каждая деталь, каждое слово являются носителями частей этой основной идеи и в совокупности утверждают эту идею – идею дружбы и братства всех людей, людей Востока и Запада.

При сопоставлении формы и содержания текста обнаруживается, что содержание более широкое понятие и определить его границы намного сложнее, поскольку оно не обладает материально-предметными показателями. Мы можем его вообразить только в мысленных представлениях, которые всегда мировоззренчески окрашены. С этой позиции содержание тяготеет к логически обобщенным, абстрактным суждениям, которые можно сформулировать в словесных выражениях, зафиксировать в письме, читать и произносить. Так что между содержанием и формой нет четкой разделительной линии, их границы всегда взаимопереходящие. Хотя, на первый взгляд, кажется, что составляющие элементы формы точны, их границы наглядно определены. Это ярко бросается в глаза при анализе поэтических произведений. Каким размером написано стихотворение, каков его строчечный, строфический, ритмический, рифмический строй, каковы выразительные средства? Вот далеко неполный перечень элементов формы, которые могут быть использованы поэтом для реализации своего замысла. Чтобы видеть и различать компоненты содержания и формы в их целостности, следует искать ответы на поставленные выше вопросы.

Чтобы увидеть и глубже понять внутренние связи между этими частями и их взаимообусловленность, мы обратимся к анализу стихотворения И. Юсупова «Журавли».

*Взмахивая крыльями устало,
Летают в чужие края журавли.
Оставив мне печаль расставанья,
Уносят вдаль мою радость журавли.*

*Те, кто лишил птиц моря, море – воды,
Не останутся без кары: настанет час.
«Чтобы ваш род был стерт до единого!» –
Шлют с небес проклятие журавли.*

*Улетают они равным строем,
Я смотрю им вслед тревожно и печально:
Почему я тоже, оставив отчий край,
Не могу улететь, как вы, журавли?!*
[2, с. 75–76]

Как видно из описанной картины, художественное пространство, т. е. содержание стихотворения – волнение, переживание лирического героя по поводу экологического состояния

родной природы ограничено его внутренним миром. Все происходит там – в душе лирического героя. Но этот мир опосредованно через журавлей обращен к внешнему миру, т. е. можно сказать, всему миру. Так, единичный факт приобретает всеобщий характер. Такова природа лирики, где словам присуща широкая обобщенность и абстрактность, которые при минимальном словоупотреблении могут придать содержанию максимальную объемность. «Лирика, – пишет известный литературовед Г. Н. Поспелов, – это особый вид словесного искусства, она со своим универсальным средством выражения – художественным языком имеет шире, больше и богаче содержание даже по сравнению с музыкой» [3, с. 97].

В приведенных строфах стихотворения весь его смысл аккумулирован в следующих строках. Первое – это воображаемое коллективное проклятие, посылаемое с небес журавлями в адрес тех, кто лишился среды обитания: **«Чтобы ваш род был стерт до единого!»** Естественно, голос птиц находит отклик в душах многих современников. Далее – это строки, где звучит тревожная мысль поэта: **«Уносят вдаль мою радость журавли, Почему я тоже, оставив отчий край, Не могу улететь, как вы, журавли?!»** Здесь судьба лирического героя уравнивается с состоянием журавлей. Он горько переживает экологическое бедствие, которое обернулось невозполнимыми потерями для родной земли. Он тоже лишился, как журавли, необходимой для нормальной жизнедеятельности среды. Они открыто не названы, но подразумеваются в контексте. Это – трагедия Амударьи, Арала, лесов, полей... Вот почему ему так печально и горько, вот почему ему так хотелось тоже улететь в чужие края, подальше от этого бедствия. Но ему этого не дано. Он – не перелетная птица, а человек всей «кровью и хребтом» прикованный к этой земле. И проклятие журавлей – это и его проклятие в адрес бездушных разрушителей природы.

С концептуальным идейно-смысловым содержанием стихотворения органично связаны его жанровые особенности. Его можно отнести к медитативной лирике, которой характерно размышление лирического героя, и оно является его определяющим признаком. «Субъект лирической медитации – это не личность, взятая из жизни, а особый литературный тип, какая-то форма авторского творчества», писал по этому поводу Г. Н. Поспелов [3, с. 69].

Анализ формы стиха, на первый взгляд, проще, чем анализ его содержания, поскольку форма – это понятие относительно более простое и конкретное. Однако упрощенность подхода к анализу формы недопустима. Так, рассматривая компоненты формы произведения, следует иметь в виду, что они содержательны и несут в себе какую-то частицу содержания: что-то выражают, выполняют какую-то художественную функцию в его содержательной структуре. Сле-

довательно, и от художника слова потребуется немало творческих усилий и решений и в области формотворчества. Можно заметить, что с этой задачей мастерски справляется И. Юсупов в стихотворении «Журавли». Поэт сумел найти самые подходящие «формальные» компоненты, соответствующие различным ведущим и второстепенным компонентам содержательной, образной, жанровой структуры стихотворения. Удачный выбор средств передачи содержательных компонентов позволяет поэту глубже и полнее раскрыть содержание произведения.

«Журавли» – стихотворение-размышление. Оно отличается многослойностью, которое включает в себя описание состояния лирического героя, журавлей, географической местности – родной земли, состояния губителей природы. Во всех этих разнообразных тематических слоях организующим началом выступает взаимодействие лирического героя и журавлей. Однако журавли, как и лирический герой, не пассивно-страдательный объект, им присуще активное начало, о чем свидетельствует их реплика – проклятие, адресуемое с небес губителям окружающей среды. Тут голоса журавлей сливаются с голосом лирического героя. Вся эта многоплановость содержательной, образно композиционной структуры стихотворения и обуславливает тщательный отбор ритмико-рифменных, лексико-семантических, стилистически-функциональных, синтаксических, изобразительных средств языка, которые придают ему неповторимое звучание.

Стихотворение состоит из 8 строф, 32 строки, а количество использованных слов – 151. Из них слово «тырналар» (журавли) повторяется 8 раз – рефреном в конце последней строки каждой строфы и 1 раз – в конце второй строки первой строфы – это дань традиции восточного стихосложения. Столь системное употребление этого слова функционально оправдано, поскольку оно в названии стихотворения и является его главной темой. Это во-первых. Во-вторых, поэт выбрал именно эту классическую форму, видимо, считая ее наиболее подходящей для реализации данного замысла. Интересное явление наблюдается с использованием глагольного слова «барар» (идет) в сочетании со словом «тырналар» (журавли). Оно употреблено в тексте в различных грамматических модификациях без определяемого слова «ушып» (улетая) в значении «летит», «летят», «летаете» и т. д. Это при том, что в стихотворении речь идет о птицах, отличительное свойство которых является «ушыу» – «летать». Но слово «ушыу» в своем прямом значении относительно журавлей использовано только один раз – «ушты тырналар» («улетели журавли»), во всех остальных случаях вместо «ушыу» («улетать») использовано «барар» («идет») в смысле «ушыу» («улетать»). Такие «странности» использования слов в принципе возможны в любом художественном тексте.

А в поэтическом тексте оно воспринимается как закономерность. Так, журавли И. Юсупова в 7 случаях «барады» (идут как по земле) и только один раз «ушады» (улетают по небу). Но эти «странности» не нарушают логику реального действия. Впрочем, без этих алогизмов не было бы поэзии. Для прозаического текста подобная «замена смыслов» не позволительная роскошь.

Продолжим поэтическую статистику. Глагольное слово «деў» (говорить) в форме деепричастия «деп» и причастия «дегендей» употребляется трижды: в двух случаях в форме настоящего времени («деп»), в одном – в прошедшем времени. Встречаются пять производных слов от глагола «қалыў» (оставаться), два – от глагола «қайтыў» (убавлять, истощать – в переносном значении), два – от глагола «қараў» (смотреть). Есть еще ряд не менее выразительных глаголов, использованных по одному разу. Эти глаголы несут в себе важную образно-смысловую нагрузку в передаче состояния лирического героя, журавлей, родной земли и, естественно, идейно-эстетической сущности всего стихотворения. Все они в совокупности с другими глагольными образованиями характеризуют не конкретные временные показатели, а продолжающееся – с прошлого через настоящее, в будущее – действие журавлей и размышление лирического героя. В данной ситуации все временные показатели этих глаголов как бы сглаживаются и актуализируется их вневременной характер, т. е. они обращены к вечности – непреходящим ценностям природы и человека.

Интересен случай с числительным *бир* (один, единица). Оно дважды использовано в составе поговорки «жерге бир дәўлет, ерге бир дәўлет» (счастье (богатство) то приходит (посещает) к земле, то к народу), где утверждается мысль о том, что в мире ничто не постоянно и в том числе и богатство. В историческом плане это выражение очень верно передает этнико-психологический характер каракалпакского народа, пережившего в своей многовековой истории множество превратностей судьбы, связанных с вынужденным переселением из одной местности в другую по огромным просторам Великой Степи, с Волги до Памира. Так числительное *бир* (один), утратив первоначальный количественный или порядковый смысл, в структуре данной поговорки приобретает переносное значение и превращается в слово, передающие переменчивость судьбы, непостоянство благоденствия. Именно это значение закреплено за данной поговоркой в течение веков. Однако стоило ей появиться в тексте стихотворения благодаря творческой воле И. Юсупова, в ней обнаруживается новый смысл: акцент от переменчивости судьбы переносится к нестабильности, неустойчивости экологической ситуации, которая распространяется по всему миру и которая страннее любых капризов судьбы. Так, старая каракалпакская поговорка способствует более глубокому понима-

нию и помогает острее воспринимать новую беду, которая грозит человечеству неслыханными потерями.

Одним из характерных строфообразующих элементов является рифма. На первый взгляд кажется, что И. Юсупов ничего нового не вносит в рифменную систему данного стихотворения, а подгоняет новое содержание в готовую форму. Однако это обманчивое впечатление. И. Юсупов как высокоодаренная, широко образованная натура не мог оставаться равнодушным к тем переменам, которые переживала в XX в. поэзия многих народов, в том числе и каракалпакского народа. Эти перемены касались и различных сторон формы. И. Юсупов один из тех, который ощутил ограниченность традиционных однотипных рифм и стал смело вводить новые типы рифм (например, составные и неточные). Для поэта важно не созвучие слов, а созвучие мыслей, т. е. должны рифмоваться слова, которые участвуют в выделении какой-нибудь важной мысли.

Итак, мы выше попытались рассмотреть вопрос о взаимосвязи и взаимообусловленности поэтического содержания и формы на примере анализа стихотворения «Журавли» И. Юсупова, а также вопроса о том, какое из них первично, а какое – вторично, содержание или форма?

Вопрос первичности формы или содержания давно дискутируется среди философов, психологов, лингвистов, литературоведов. Например, одни литературоведы утверждают, что по времени возникновения форма является первичной, а другие, наоборот, содержание считают первичным. На первый взгляд кажется верным мнение о первичности содержания. Это объясняется тем, что у художника под впечатлением жизненных обстоятельств возникает замысел будущего произведения, который потом осмысливается и письменно оформляется как произведения определенной формы. Однако мы не должны упускать из вида, что художник сначала только размышляет о будущем произведении. Но размышление это еще не содержание произведения. Поскольку замыслы художника, принципы их изображения могут подвергаться различным изменениям в процессе творческой работы. Такое явление известно многим художникам. Об этом говорят сами поэты и писатели. Например, русский поэт И. Бродский в своей нобелевской речи говорил: «Поэт пишет стихи оттого, что его язык передает ему определенные строки. Начиная писать стихи, поэт не знает, чем закончится он. В некоторых случаях он может удивиться итогом стиха, потому что, во многих случаях стих может получиться лучше, чем он задумал, его размышления могут пойти глубже, чем он задумал» [4, с. 17–18]

Думается, что слова И. Бродского подтверждают правоту нашего рассуждения. Поскольку первоначальный замысел поэта даже при полной его реализации не может стать содержанием, а остается всего лишь намерением поэта.

Поскольку, как мы убедились выше, содержание во многом зависит от формы. Во-первых, наличие хорошего замысла при отсутствии хорошей формы не способствует реализации хорошего содержания. Во-вторых, содержание воспринимается читателем. Не подготовленный читатель, возможно, не в состоянии воспринимать первоначальный замысел поэта, а способен воспринимать только готовое содержание. Следовательно, на вопрос что первично – содержание или форма – можно дать ответ: первична форма. Пожалуй, это будет ближе к истине.

Таким образом, исходя из изложенного, можно отметить, что формирование содержания и формы взаимообусловлено, взаимосвязано. Однако, если учесть, что содержание относится к числу понятий, которые сформируются к моменту завершения произведения, то становится очевидным, что форма первична. При этом форма без содержания и наоборот, содержание без формы не могут существовать. Разумеется, что

многосложности анализа лирического произведения связаны с принципами и способами рассмотрения компонентов содержания и формы.

На это указывают многие исследователи лирики. На самом деле, изучая лирическое произведение, намного проще охарактеризовать образ лирического героя, определить типы повествования или описания и гораздо сложнее выделить темы и идеи, показать взаимодействие образов и идей, тем и типов повествования, т. е. раскрыть диалектическое взаимоотношение элементов содержания и формы. Следовательно, невозможно рассматривать отдельно содержание и его компоненты, форму и ее составные элементы. Это привело бы к их механическому разделению, что противоречит основному постулату теоретико-эстетической мысли о том, что художественное произведение представляет собой целостную художественную структуру, особую систему смысловых, логических, эмоциональных, образных элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юсупов, И. Сборник сочинения: в 2 т. (Шыгармаларынын еки томлыгы) / И. Юсупов. – Нукус : Каракалпакстан, 1978. – 1 т. – 207 с.
2. Юсупов, И. Сборник сочинения: в 2 т. (Шыгармаларынын еки томлыгы) / И. Юсупов – Нукус : Каракалпакстан, 1992. – 1 т. – 262 с.
3. Поспелов, Г. Н. Лирика среди литературных родов / Г. Н. Поспелов. – М. : Изд. МГУ, 1976. – 208 с.
4. Бродский, И. Стихотворения / И. Бродский, сост. Я. Гордин – Таллин : Ээсти; Александра, 1991. – 255 с.

REFERENCES

1. Yusupov, I. Sbornik sochineniya: v 2 t. (Shygarmalarynyn eki tomlygy) / I. Yusupov. – Nukus : Karakalpakstan, 1978. – 1 t. – 207 s.
2. Yusupov, I. Sbornik sochineniya: v 2 t. (Shygarmalarynyn eki tomlygy) / I. Yusupov – Nukus : Karakalpakstan, 1992. – 1 t. – 262 s.
3. Pospelov, G. N. Lirika sredi literaturnyh rodov / G. N. Pospelov. – M. : Izd. MGU, 1976. – 208 s.
4. Brodskij, I. Stihotvoreniya / I. Brodskij, sost. ya. Gordin – Tallin : Eesti; Aleksandra, 1991. – 255 s.